

М. А. Кустовская
Симферополь

DOI: 10.15393/j9.art.2011.314

КОНЦЕПЦИЯ «ЖИВОЙ ЖИЗНИ» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Выражение «живая жизнь» пришло в русский язык из немецкого в первой трети XIX века и, согласно словарю, означало «действительность»¹. Функционируя в лексиконе русской интеллигенции (А. Герцена, Ф. Тютчева, И. Бунина, В. Вересаева и мн. др.), формула «живая жизнь» наполняется различным содержанием и зачастую не тождественна у разных авторов. В одном контексте она как непосредственный эмпирический опыт противопоставлена «мертвой» доктрине, рационально (то есть искусственно) выведенной теории; в другом под «живой жизнью» подразумевается современность с ее динамическими, актуальными процессами; в третьем — спонтанное саморазвитие живой материи; в четвертом — инстинкт жизни, великий бессознательный поток, воплощение трансцендентного начала, растворенного в природе.

Дословный перевод немецкого «ein lebendiges Leben», а именно так выражение «живая жизнь» употреблялось на начальном этапе заимствования, звучит как «жизнь *оживленная*». Здесь — ключ к постижению сущности этого понятия. Что оживляет жизнь? Для Достоевского, глубоко христианского мыслителя, жизнь становится *живой*, ко-

гда она одухотворена Живым Богом. В творчестве писателя «живая жизнь» обретает концептуальное значение, становится метаидеей, связующей все идейные нити и переплетения в единое полотно — утверждение необходимости веры в бессмертие души:

...идея о бессмертии — это сама жизнь, *живая жизнь*, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества².

Впервые мысль о «живой жизни» прозвучала в повести «Записки из подполья» (1864), которая справедливо считается «прологом» и ключом ко всему творчеству классика. В записной тетради того же 1864 года Достоевский размышляет над характеристикой современника, оторванного от «почвы», исконной веры:

...цивилизация есть состояние болезненное. Потеря живой идеи о Боге тому свидетельствует... Свидетельство, что это есть болезнь, есть то, что человек в этом состоянии чувствует себя плохо, тоскует, теряет источник живой жизни, не знает непосредственных ощущений и все сознает (XX, 192).

«Идеал, присутствие его в душе, жажда, потребность во что верить, что обожать и отсутствие всякой веры. Из этого рождаются два чувства в высшем современном человеке: безмерная гордость и безмерное самопрезиранье», — напишет автор позже³. Этот синдром Достоевский назовет «подпольем» и будет считать это открытие своей особой заслугой⁴. «Подполье», по авторской концепции, — своеоб-

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972—1990. Т. 24. С. 49—50. Курсив здесь и далее мой, выделения жирным шрифтом принадлежат цитируемому автору. Далее цитаты из произведений Достоевского приводятся из настоящего издания с указанием в скобках тома — римской и страниц — арабскими цифрами.

³ Литературное наследство. 1971. Т. 83. С. 314.

⁴ «Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека **русского большинства** и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону, — писал он. — Трагизм состоит в сознании уродливости. <...> Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться. <...> Подполье, подполье, **поэт подполья** — фельетонисты повторяли это как нечто унижительное для меня. Дурачки. Это моя слава, ибо тут правда...» (XVI, 329—330).

разная болезнь цивилизованного общества, которое не знает, «где и живое-то живет теперь и что оно такое, как называется?..» (V, 178).

Обозначая проблему личного «подполья» и подпольного бытия всего современного социума «мертворожденных», Достоевский указывает и выход из нравственного тупика — приобщение, возвращение к «живой жизни». Именно по таким полюсам разводит классик своих героев, у которых два пути: деградация и духовная смерть или развитие, воскресение, связанное с преодолением «подпольности» и причащением «живой жизни». Названные феномены, таким образом, являются базовыми и системообразующими, связующими все зрелое творчество автора в единое целое.

В повести «Записки из подполья» словосочетание *живая жизнь* взято автором в кавычки. В ней он не объясняет, что есть эта «живая жизнь». Она — то, что противопоставлено «подполью», то, чего боится и о чем бессознательно тоскует парадоксалист, то, от чего терпит крах вся уверенно воздвигаемая им система философских антиномий. В. А. Туниманов писал о «живой жизни»: «...это нечто не имеющее определенных границ; чрезвычайно широкое и всеобъемлющее определение идеала», то, что «противоположно по духу и сути любым общим формулам и парадоксам». Однако, по мнению авторитетного ученого, «Достоевский эту идеальную “нишу” пока еще не решается (или, точнее, не спешит) заполнить»⁵. К. В. Мочульским «живая жизнь» описана как «туманно-мистический идеал», содержание которого не раскрывается, и «смысл этой тайны утерян»⁶. Между тем, как известно, излюбленным способом утверждения идеала для Достоевского всегда был метод доказательства от противного, прием «отрицательной аргументации»⁷. Потому «живая жизнь» лишь кажется неясной, незаполненной «нишей» — черты ее скрыты за своей ярко прорисованной противоположностью.

В первую очередь, «живая жизнь» противопоставлена «книжному миру», отвлеченному «мечтательству», в кото-

⁵ Туниманов В. «Подполье» и «живая жизнь» // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. М., 2002. С. 22.

⁶ Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 339.

⁷ Там же. С. 346.

рых герой утратил связь с реальностью, «порвал со всеми» и отъединился в своем метафизическом «углу». Здесь Достоевский, как отмечено В. В. Комаровичем, наследует традицию старших славянофилов (И. В. Киреевского, А. С. Хомякова), которые «в своих сочинениях охотно пользуются словом “живой” в смысле Кантовской “Ding an sich”» («вещи в себе»), то есть «истинно сущей, независимо от субъективных форм логического познания»⁸.

Созвучна такому определению и вторая непосредственная номинация «живой жизни» в романе «Подросток» (1875). Версиков так же, как и Подпольный, оказывается бессильным выразить ее суть — свою «великую мысль», однако он знает точно, что «это всегда было то, из чего истекала *живая жизнь*, то есть не умственная и не сочиненная...» (XIII, 178). На этот раз автор снимает кавычки, что свидетельствует об укоренении понятия и стоящей за ним идеи в его сознании.

После «Записок» Достоевский неизменно возвращается к осмыслению категории «живой жизни»: кроме «Подростка», понятие фигурирует в записных книжках, подготовительных материалах к роману «Бесы», наполняет страницы «Дневника писателя», каждый раз открывая новые грани, наполняясь новыми смыслами.

В романном универсуме писателя реализация концепции *художественная* — непрямая: либо данная апофатически, через противопоставление с «подпольем» или бесовством; либо опосредованная образами героев-носителей черт «живой жизни» (героев-праведников; женщин-Софий; блаженных или тех, кого называют юродивыми); код ее часто бывает заложен Достоевским в мифопоэтическом строе произведения, образах-символах, мотивах и авторских концептах («воздуха», «воды», «клейких листочков», «матери-сырой земли», «солнца», «Сада»).

Важно отметить, что, по сравнению с определением «подполья», писатель не дает такой исчерпывающей авторской характеристики «живой жизни» и, как представляется, де-

⁸ Комарович В. Роман Достоевского «Подросток», как художественное единство // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Л., 1924. Кн. 2. С. 33.

лает это намеренно. В последний год жизни Достоевский писал:

Есть некоторые жизненные вещи, живые вещи, которые весьма, однако, трудно понять от чрезмерной учености (XXVII, 52).

В «подполье» человека приводит рационализм. «Живая жизнь» доступна людям, обладающим «главным» умом — мудростью сердца. И сложность определения понятия «живой жизни» заключается в том, что суть ее постигается не разумом, но *ощущением*. «Подполье» и «живая жизнь» находятся в разных плоскостях восприятия. Именно поэтому последняя оказывается недоступной для героев, стремящихся *осознать ее разумом* (подпольный парадоксалист, Версиков, Подросток). В «идеологических» романах Достоевского «головные», то есть порожденные ограниченным человеческим разумом идеи неизменно оказываются ложными и приводят героев к духовной смерти (вспомним наполеоновскую идею Раскольникова, ротшильдову — Аркадия Долгорукого, теорию «подполья» парадоксалиста, «шигалевщину»). При этом автор не отвергает рассудок, но разоблачает разум, в гордыне своей оторвавшийся от Творца, утративший животворящую связь с Ним и потому способный лишь на разрушение, но не на созидание.

Помогают в реконструкции авторского понимания феномена «живой жизни» записные книжки и «Дневник писателя»: здесь классик высказывается прямо, и семантика термина раскрывается из контекстов его употребления. Обобщая результаты проделанного анализа, можно заключить, что «живая жизнь» в публицистическом дискурсе Достоевского обозначает: 1) активную деятельность в противовес «мертвящей болтовне», антиномию «окончательным выводам сознания» и математическим формулам, искусственным умозрительным теориям; 2) следование непосредственным источникам сердца, доверие естественной «логике живой, действительной жизни»; 3) идею служения и самопожертвования, что является знаком высшего развития личности; 4) объединяющую народ «национальную идею», сущность которой заключается в исповедании веры — христианства. У славян это — «православное дело»,

и именно Православие, по убеждению писателя, то «слово живой жизни», которое «Россия может сказать... в грядущем человечестве» (XXIII, 58).

Стержнем концепции «живой жизни» является «вековечный идеал», сияющая личность Спасителя. Следование заповедям Христа, подражание Ему в умалении, смиренном приятии жизненных испытаний, в прощении обидящим, служении, самоотречении и жертве собой ради других — вот качества, отличающие наличие «живой жизни» в персонажах Достоевского. Герои «живой жизни» — те, кто несут собой Божью Правду, Высшую Истину. Поэтому носителем и хранителем источника «живой жизни», по глубокому убеждению Достоевского, является *народ*, благодатная «почва», без живительной связи с которой «высший образованный слой» обречен на идейные шатания и духовное рабство «подполью». Во многочисленных героях-идеологах, придавленных своими идеями, словно камнями, лишенных «воздуха» жизни, писатель открывает страдания души без контакта с Подателем жизни. И шанс на возрождение, приобщение к «живой жизни» есть только у тех из них, кто откроет сердце свету Христа и поклонится народной правде. В возвращении к корням, «почве» видит Достоевский спасение для «подпольных» мечтателей, оторвавшихся от «живой жизни» «книжных людей».

Важной гранью концепции «живой жизни» у Достоевского является и *детское начало*. Дети, по убеждению писателя, «образ Христов» (VI, 252); в ребенке живая жизнь дышит с большей силой и полнотой, не встречая преград гордыни, тщеславия, самомнения, разъедающей рефлексии. Обязательное качество героев-носителей черт «живой жизни» — оставшиеся незамутненными «непосредственные источники сердца». Персонажи, которых Достоевский наделяет знаками «детскости», в первую очередь, чисты сердцем. А именно так постигается принципиально умонепостигаемый Бог:

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят (Мф. 5:8).

Блаженные составляют особую категорию героев, воплощающих собой авторский замысел о «живой жизни» и несущих непрременные атрибуты детского начала. Это юриди-

вые Лизавета в «Преступлении и наказании», Марья Тимофеевна Лебядкина, Лизавета Смердящая, сюда же включен «идиот» князя Мышкин и те, кого называют юродивыми, — Сонечка Мармеладова, Алеша Карамазов.

Детские черты, прикрепленные к оторванным от «живой жизни» героям (например, в Степане Трофимовиче⁹ и Мите Карамазове¹⁰), выступают предвестием и залогом их воскресения после прохождения очистительного жертвенного «пути зерна». Черты детскости — «живой жизни» — во взрослых героях — это залог того, что путь ко спасению для них не закрыт; уже от самого человека, которому Господь даровал свободу выбора, зависит, следовать ли голосу детства в себе или гордому духу взрослости.

Наиболее репрезентативным воплощением идеи «живой жизни» в романном мире Достоевского, на наш взгляд, является *Алеша Карамазов* — один из самых светлых и чистых образов в системе персонажей классика. В нем герой Достоевского эволюционировал, уже прошел путь духовного поиска, искуса и очищения. Это сын «случайного семейства», «вступивший в жизнь» Подросток, вобравший в существо свое идею «благообразия», уже нашедший «руководящую нить поведения» и ответ на вопрос, «что есть добро, а что — зло»¹¹. Это «князь Христос» Мышкин (IX, 253), «юродивый», но уже не пораженный идиотизмом; чудак, но уже не в значении «частности и обособления», а напротив, носящий в себе «сердцевину целого» (XIV, 5). Если других героев писатель проводит по пути «выделки в человека», то Алеша уже «человек» в этом высшем, христианском, смысле: цельный, с душой, рвущейся к «свету любви», и по этому пути следующий, отзывчивый и открытый нуждам мира, никого не осуждающий «ранний человеколюбец».

Дыхание жизни в Алеше детски чистое. Карамазовская жажда жизни очищена, кажется, еще в младенчестве, ко-

⁹ См.: (X, 35; 53; 98; 488).

¹⁰ См.: (XIV, 351; 357; 372; 437).

¹¹ «Едва только он, задумавшись серьезно, поразился убеждением, что бессмертие и Бог существуют, то сейчас же естественно сказал себе: «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю»» (XIV, 25).

гда мать в молитве словно отдала его под покров Богородицы (XIV, 18).

Карамазовщина существует в нем лишь как отблеск, преодоленный резонанс, который позволяет ему, оставаясь чистым, понимать и спасать мятущихся и грешных¹².

Алешу заставляет говорить «и я такой же Карамазов» чувство предельной сопричастности ближним, совиновности, потому что «мы все за всех виноваты». Свое драгоценное «слово о жизни» Достоевский вложил в его уста:

Я думаю, что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить. — Жизнь полюбить больше, чем смысл ее? — Непременно так, полюбить прежде логики... и тогда только я и смысл пойму (XIV, 210).

В образе Алеши утверждается мысль Достоевского о жизни как пути «*деятельной любви*», служения ближним. Недаром мудрый старец посылает юношу из монастырских стен на подвиг иночества в миру¹³.

Алешу нельзя назвать героем-идеологом в классическом смысле, но он именно тот носитель «живой жизни» — «идеи о бессмертии души человеческой» (XXIV, 49), черты которого Достоевским создавались в «положительно прекрасных» образах Сони Мармеладовой, князя Мышкина, странника Макара Ивановича. Это он — берегущий «знамя» «великой мысли», о котором говорит Таинственный посетитель:

...хоть единично должен человек вдруг пример показать и вывести душу из уединения на подвиг братолюбивого общения, хотя бы даже и в чине юродивого. Это чтобы не умирала великая мысль... (XIV, 276).

Необходимо отметить, что в итоговом романе «Братья Карамазовы» реализуются два параллельных уровня понятия «жизнь», а концепция «живой жизни» обретает наи-

¹² Сердюченко В. Л. Читая Достоевского. Карамазовщина. Авторская рубрика литературного обозрения Интернет-портала «Русский переплет» (<http://www.pereplet.ru/kandid/59.html>).

¹³ «Много будешь иметь противников, но и самые враги твои будут любить тебя. Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то ты и счастлив будешь и жизнь благословишь, и других благословить заставишь, — что важнее всего» (XIV, 259).

большую полноту и художественную завершенность в наследии Достоевского. Если первый — витальный — уровень передан в многообразии проявлений *жажды жизни*, которую по-разному ощущают в себе братья Карамазовы, то второй — трансцендентный — находит свое воплощение в глубокой мудрости старца Зосимы:

Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение *живой связи нашей с миром иным*, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. <...> Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и вошло все, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным, если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращенное в тебе (XIV, 290—291).

Проявленный словами старца концепт «сада» в творчестве Достоевского также связан с идеей «живой жизни». Сад как архетипический топос — это *место обитания* живой жизни, символ гармонического единства как всей твари (людей, животных, птиц), так и благодатного сосуществования Бога и человека, «синтез умысла и провидения, воли садовника и Божьего промысла», равновесия данной Господом природы и созданной человеческими руками культуры¹⁴. Здесь обретает свою эмблематическую визуализацию мысль о *соборном* начале живой жизни:

Сад — это совершенное сообщество, в котором каждое дерево свободно, каждое растет само по себе, но, не отказываясь от своей индивидуальности, все деревья вместе составляют единство¹⁵.

Именно в концепте «сада» у Достоевского соединяются, образуют целостный художественный образ все символы, составляющие поэтику «живой жизни»: «земля» (благодатная почва), «деревья», «листья» («клейкие зеленые листочки» Ивана Карамазова и «желтый лист» Кириллова), «вода» (вспомним, что Рай-Эдем — сад, питаемый рекой — водой жизни), «воздух» и «солнце» («косые лучи заходяще-

¹⁴ Вайль П., Генис А. Родная речь: Уроки изящной словесности. М., 1995. С. 187.

¹⁵ Там же.

го солнца», которые для приговоренного к смертной казни Достоевского стали знаком жизни уходящей, но и надежды на жизнь грядущую). Как известно, в христианской традиции огороженный сад является символом Девы Марии, связываясь, таким образом, и с женским — материнским — началом живой жизни.

Как локус жизни сад противостоит в художественном мире Достоевского «мертвому» топосу — городу, «хрустальному дворцу», западноевропейскому «искусственному» или «увеселительному» саду, в которых нет «воздуха», нет Духа.

«Сад», по Достоевскому, это и «формула» гармонического устройства будущего общества:

Человечество обновится в Саду и Садам выправится (XXIII, 96).

Разводя «фабрику» как символ буржуазной цивилизации и человеческого угнетения с «Садам» — местом органической и счастливой жизни, где «дети с землей растут, с деревьями, с перепелками», писатель высказывал надежду на то, что «может — и фабрика-то среди Сада устроится» (XXIII, 96).

Посеянные и возвращенные в саду «семена из миров иных» в словах старца Зосимы — это «логосные силы», о которых писал преп. Иустин Попович в очерке «Достоевский как проповедник и апостол православного реализма»:

Все существующее настолько реально, насколько имеет в себе Логосные силы. <...> То, что природу делает природой и человека человеком, и душу душой, и материю материей, и небо небом, и землю землей, и жизнь жизнью, и существо существом — это логосность¹⁶.

То, что Достоевский именуется «живой жизнью», и есть *логосность*, озвученная сербским преподобным отцом. Это воплощение Бога Логоса, Иисуса Христа, в действительности, пребывание Вечного в сущем, действие Святого Духа, превращающее мертвую материю в живую реальность, конечную косность в бесконечность духовного бытия. Это вочеловечивание Слова в конкретном отрезке времени

¹⁶ Преподобный Иустин (Попович). О рае русской души. Достоевский как пророк и апостол православного реализма. Минск: Лучи России, 2001. С. 15.

и места, когда «здесь и сейчас» земного пути связано с «всегда» Благой вечности.

Сама многогранность феномена жизни определяет большое количество интерпретаций. Каждый из художников слова вкладывал в означенное понятие свой смысл, подразумевая какое-то из проявлений жизни. Следует подчеркнуть, что именно Ф. М. Достоевскому принадлежит многостороннее, синтетическое осмысление категории «живой жизни»: от ступени витальной до метафизической. Писатель, чья биография надвое расчеркнута эшафотом на Семеновском плацу, это словосочетание переосмысляет и наполняет новым, специфическим содержанием, выводя на высший — духовный — уровень.

В отличие от традиционного понимания термина, под «живой жизнью» у Достоевского подразумевается не столько действительность, актуальная история земного бытия, сколько духовная реальность, то, что делает человека *духовно живым*. На страницах одной из записных книжек Достоевский приходит к заключению:

Логика событий действительных, текущих, злобы дня не та, что высшей идеально-отвлеченной справедливости, хотя эта идеальная справедливость и есть всегда и везде единственное **начало жизни, дух жизни, жизнь жизни** (XXIV, 137).

«Идеальной справедливостью» явлен Промысел Божий, а высшая логика — это та «фантастическая» реальность, которая стоит за видимостью, и как раз художником которой считал себя Достоевский. В этом свете «живая жизнь» предстает именно воплощением той подлинной действительности, которая есть бытие во Христе.